

Взгляд Дуань Минчэня горел, от его губ исходил жар, но движения были удивительно нежными, лёгкими, как перо, скользящими по губам Гу Хуайцина. Тёплая широкая ладонь мягко скользила вдоль изгиба его спины сверху вниз.

Гу Хуайцин никогда не испытывал ничего подобного. Сквозь губы разливались волны тепла, вызывая сладкую дрожь во всём теле. Ноги подкашивались, и он, словно котёнок, взятый за загривок, закрыл глаза, покорно отдавшись этому чувству.

Сначала Дуань Минчэнь лишь нежно касался его полных губ, но, увидев, что тот не сопротивляется, а, напротив, наслаждается, прикрыв глаза, усилил натиск. Его язык властно проник внутрь, вкушая сладость.

Неопытная реакция Гу Хуайцина ясно говорила, что это его первая близость. И неудивительно: он вырос в глубине дворца под личиной евнуха, и воздержание было его уделом. Однако Гу Хуайцин был сообразителен и быстро учился, начав подражать движениям Дуань Минчэня, неумело, но старательно отвечая на поцелуй.

Его ответ вдохновил Дуань Минчэня. Такой шанс нельзя было упускать — нужно было сделать этот первый поцелуй незабываемым, чтобы открыть путь к большей близости. Дуань Минчэнь страстно целовал его, а рука тем временем скользнула под воротник, лаская гладкую кожу...

Говорят, мужчинами правят инстинкты, и когда желание затмевает разум, они способны на многое. Однако Дуань Минчэнь не мог позволить себе слишком многого — они были на улице. Поцелуи и ласки — это одно, но вести себя как Сяо Цзюэ с Янь Цзюнем было бы непозволительно. К тому же Гу Хуайцин наверняка потом рассердился бы, а гневить красавца себе дороже.

И всё же, держа в объятиях такую драгоценность, Дуань Минчэнь чувствовал, как тает его сердце. Гордый и прекрасный Гу Хуайцин теперь покорно позволял себя целовать и даже отвечал ему. О таком он не смел и мечтать!

Неизвестно, сколько длился поцелуй. Всё тело Гу Хуайцина пылало, ноги стали ватными, дыхание сбилось. Губы горели и, наверное, уже распухли.

Почувствовав это, Дуань Минчэнь неохотно оторвался и с улыбкой произнёс:

— Глупыш, можно ведь дышать и носом.

Гу Хуайцин пришёл в себя. Его лицо залилось краской, он сердито глянул на Дуань Минчэня, оттолкнул его и вырвался из объятий. Оглянувшись на грот, он увидел, что Сяо Цзюэ и Янь Цзюнь уже ушли, цитра исчезла, и только холодный лунный свет лежал на каменном столе, словно той бурной сцены и не было вовсе.

— Пора возвращаться, — сказал Дуань Минчэнь, протягивая руку, чтобы взять его за ладонь.

Гу Хуайцину было не по себе. Он отстранил руку и, опустив голову, зашагал вперёд один. Что значил этот внезапный поцелуй? Была ли то искренняя любовь или просто игра, как у Сяо Цзюэ?

Лица Сяо Цзюэ и Дуань Минчэня смешались в его сознании. Гу Хуайцин чувствовал, как туманится разум. Почему ему вдруг показалось, что они чем-то похожи?

Подойдя к Пруду Тысячи Лотосов, он неожиданно проговорил:

— Я заметил, что ты и Сяо Цзюэ очень похожи.

Гу Хуайцин имел в виду внешность, но Дуань Минчэнь понял иначе, решив, что тот упрекает его в легкомысленности. Его лицо потемнело, и он поспешно возразил:

— Нет, это не так! Мои чувства искренни! Я не смог сдержаться, потому что люблю тебя. Разве можно меня сравнивать с таким распутником, как он?

— Но мы оба мужчины... — Гу Хуайцин вздохнул, глядя на тёмную гладь воды.

Дуань Минчэнь покачал головой:

— Между мужчинами тоже может быть любовь. «Разделённый персик», «разорванный рукав», учёные-любовники при дворе — всё это было с древних времён. Я восхищаюсь тобой и не могу удержаться от желания быть ближе. Ты не оттолкнул меня — значит, и тебе это не противно.

В душе Гу Хуайцина бушевали противоречия и тоска. С ним-то всё ясно: даже не будучи настоящим евнухом, он давно решил, что никогда не женится. Но Дуань Минчэнь — другое дело. Он молод, талантлив, единственный сын в семье. Если бы не неудачи, он бы уже давно обзавёлся женой. Обычный мужчина в его годы и с его положением уже имел бы жену, наложниц и не одного ребёнка.

Гу Хуайцин верил, что Дуань Минчэнь говорит искренне, и доверял его характеру. Тот не был похож на ветреного Сяо Цзюэ, готового обманывать сладкими речами ради потехи. Если бы речь шла лишь о мимолётной страсти, Гу Хуайцин, человек не слишком строгих правил, возможно, и не возражал. Но что будет потом?

Он искренне дорожил дружбой с Дуань Минчэнем. За столько лет он никому не открывал своего сердца, даже перед Сяо Цзином оставался сдержан. Дуань Минчэнь был единственным, кем он восхищался, кого уважал и с кем хотел сблизиться. И вот эта дружба неожиданно переросла во что-то иное. Если в будущем они не смогут быть вместе, не станут ли они чужими?

— Брат Дуань, — смущённо проговорил Гу Хуайцин, хмурясь, — разве мы не можем остаться просто братьями и друзьями?

Целовались, обнимались, а он всё про «братьев»! Дуань Минчэнь едва не рассмеялся. Он понимал, что творится в душе Гу Хуайцина, но отпускать его не хотел и не мог.

Он протянул руку и нежно разгладил морщинку на его лбу. Его тёмные глаза были полны нежности и обожания:

— Хорошо, хорошо. Как скажешь. Во всём буду тебя слушаться. Доволен, Цинцин?

Говорит, что будет слушаться, а сам уже обращение сменил! Гу Хуайцин недовольно хмыкнул, но на сердце у него потеплело.

Ночь углубилась. Над озером стлался лёгкий туман, в горах стало сыро и холодно. Гу Хуайцин, от природы зябкий, попал под ветер и чихнул дважды подряд.

— Замёрз? — спросил Дуань Минчэнь, снял свой верхний халат и накинул ему на плечи. Затем взял его руку и, используя внутреннюю силу, направил в его тело поток чистой янской энергии. Гу Хуайцин быстро согрелся.

— Уже поздно, пойдём отдыхать.

Дуань Минчэнь взял Гу Хуайцина за руку и повёл по деревянному настилу обратно к дому, проводив до самой комнаты.

Когда дверь за Гу Хуайцином закрылась, Дуань Минчэнь ещё какое-то время стоял снаружи, сложив ладони и чувствуя их остаточное тепло, прежде чем наконец медленно вернулся в свою комнату.

Этой ночью оба спали беспокойно. Хотя Гу Хуайцин и пытался убедить себя, что они останутся просто друзьями, но раз бумага прорвана, их отношения уже не могли быть прежними.

На следующее утро они сошлись в столовой, оба с тёмными кругами под глазами. Увидев их, Фан Цзя прикрыл рот рукой и с усмешкой спросил:

— Кузен, брат Гу, что это вы такие сонные? Небось вчера на дело ходили?

Фан Цзя пошутил просто так, но Гу Хуайцин, у которого совесть была нечиста, покраснел и уткнулся в чашку с кашей.

Дуань Минчэнь холодно взглянул на Фан Цзя:

— За едой не разговаривают, во сне не болтают. Разве учитель тебя не учил?

Фан Цзя всё же побаивался своего сурового кузена из Гвардии в парчовых халатах. Он надул губы и больше не пикнул.

Отчитав его, Дуань Минчэнь очистил варёное яйцо и положил в чашку Гу Хуайцину.

— Яйца здесь свежие. Поешь побольше, силы понадобятся для спуска с горы.

— Как кузен заботится о брате Гу! — снова не удержался Фан Цзя.

Позавтракав, Фан Цзя отправился на занятия в восточное крыло, а Дуань Минчэнь с Гу Хуайцином попрощались с наставником Ледяное Сердце и верхом вернулись в столицу.

Оба были на хорошем счету у императора, и после короткого отдыха снова окунулись в работу.

После той близости Гу Хуайцину было неловко встречаться с Дуань Минчэнем. Однако они служили в одном зале и виделись каждый день на аудиенциях. К тому же жили по соседству, так что избегать друг друга было практически невозможно.

Мать Дуань Минчэня заметила, что сын стал возвращаться домой гораздо чаще. Раньше он мог пропадать по несколько дней, а теперь аккуратно являлся к ужину, да ещё настаивал, чтобы госпожа Дуань готовила сама. А после еды непременно забирал с собой порцию для соседа — Гу Хуайцина.

Дуань Минчэнь без всякого стеснения использовал кулинарный талант матери, чтобы угодить возлюбленному. Гу Хуайцин же, хоть в душе и собирался держать дистанцию, не мог устоять перед ароматом блюд госпожи Дуань — его желудок капитулировал сам.